

Эдмунд Езерский

ЧУДЕСА
ТАИНСТВЕННОГО
ОСТРОВА

18+

Эдмунд Езерский

Чудеса таинственного острова

<https://litres.ru/73803671>

SelfPub; 2026

Аннотация

Начало XX века. В поисках лучшей жизни поляки отправляются в Парану, в Бразилию, где "согласно заявлениям эмиграционных агентов, на деревьях растёт золото..." Пароход "Королева океана" с польскими эмигрантами на борту отчаливает из антверпенского порта.

Среди эмигрантов находились два героя этого романа: Генрик и Ваврон. Пароход попадает в бурю и разбивается, в живых остаются только Генрик и Ваврон. Они попадают на таинственный остров, где власть находится в руках... учёных, и жизнь там идёт по их законам со своими плюсами и минусами.

Роман "Чудеса таинственного острова" — это своеобразная утопия, идеальная жизнь на острове, где было множество своих недостатков.

На русском языке роман печатается впервые.

Содержание

I Разочарование жизнью	5
II Таинственная катастрофа	15
III Спасённые	21
IV Где мы?	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Эдмунд Езерский
Чудеса таинственного
острова

I Разочарование жизнью

В антверпенском порту царило небывалое оживление. Тысячи повозок, нагруженных товарами, или пустых, приезжало и отъезжало, а при них сустились тысячи людей, бегающих, спешно идущих или занятых разгрузкой товара. Грохот, крик, гам создавали поистине адский концерт, способный оглушить почти каждого.

Однако самое сильное оживление царило около гигантского парохода "Королева океана". Пар, клубами валивший из труб, суета матросов и пассажиров на палубе отчётливо указывали, что корабль готовится к отплытию и ещё в этот вечер отправится в дальнее путешествие. А "Королева океана", принадлежащая к самым быстрым и самым большим судам антверпенской судоходной компании, действительно совершала далёкие путешествия. С того времени, как она вышла из дока, то есть шесть лет назад, она постоянно кружила между Антверпеном и Рио-де-Жанейро, перевозя туда товары и эмигрантов.

И теперь она везла их, видно, в большом количестве, потому что среди толп путешественников, устремляющихся по помосту на палубу, а потом исчезающих под ней, больше всего было людей, одетых в польские серые пальто, с чисто польским типом лица. Все эти выходцы направлялись в Парану, где, согласно объявлению эмиграционных агентов, на

деревьях растёт золото, почва даёт небывалый урожай, и человек в течение несколько лет сколачивает состояние. Они шли, согнувшись под тяжестью несомых узелков, а на лицах была отпечатана грусть, как бы жалость по брошенной родной земле. Не один оборачивался, смотрел на растянувшуюся землю и украдкой стирал с глаз слезу. Но не мог долго стоять. Идущие за ним напирали на него. Поэтому он склонялся под своей тяжестью и шёл дальше, пока не исчезал в челюстях парохода под палубой. За всем этим наблюдал молодой ещё человек, прислонившийся к борту палубы.

Одетый элегантно, хоть скромно, казалось, что он не принадлежал к этой толпе подпалубных пассажиров. В его голубых глазах также блестели слёзы, когда он видел горе и выражение грусти несчастных эмигрантов. Вдруг он выпрямился и стал внимательней приглядываться к проходившему около него молодому человеку, одетому в бедную, хотя чистую одежду, с переброшенной через плечо дорожной торбой, в спортивной шапочке на голове. Хотя он отличался одеждой от своих товарищей, но, должно быть, принадлежал к их числу, как путешественник третьего класса.

Когда он приближался к стоявшему на палубе юноше, тот, вытянув к нему руки, с радостью воскликнул: – Ваврон!

Путешественник остановился, с удивлением всматриваясь в стоявшего перед ним... Через минуту на его лице расцвела улыбка и, быстрым шагом приблизившись к зовущему его, схватил его в объятия, закричав:

– Генрик! Ты здесь? Откуда? Каким образом?

– Каким образом? – воскликнул спрошенный, объятиями отвечая на объятия. – Я тоже, как видишь, плыву на этом судне в Бразилию. Но что тебя гонит в этот далёкий край? Что тебя вынуждает покинуть родину, где, как я слышал, у тебя было очень хорошее место? Почему ты едешь с толпой эмигрантов под палубой, подвергая себя всяким неудобствам, когда ты, кажется, мог бы ехать комфортней.

На этот вопрос Ваврон грустно улыбнулся и ответил:

– Ты спрашиваешь – почему? На этот вопрос пришлось бы долго отвечать. Здесь не время и не место для этого. Но подожди, спущусь под палубу, сложу свои манатки и вернусь к тебе. Мы найдём где-нибудь на палубе какой-нибудь тихий уголок и, присев там, немного поговорим.

И, приведя в действие свои слова, он пошёл за толпой других эмигрантов под палубу, где расставленные тростниковые кресла, лавочки и столики, казалось, приглашают приятно отдохнуть.

Там было ещё пусто. Только одно из кресел занимала какая-то дама, немолодая уже, одетая с преувеличенной элегантностью, с бриллиантами в ушах, на пальцах и на шее, с высокомерной и гордой миной. Около неё крутилась молодая негритянка, видно, горничная, постоянно подающая госпоже то веер, то платочек, то флакончик.

Эта дама с толикой возмущения и презрения поглядела на друзей, когда, равнодушно пройдя рядом с ней, не обра-

тив никакого внимания на её величие, они сели в кресла за столик и начали оживлённую беседу.

Очевидно, не в состоянии вынести их вида, она подозвала горничную и шепнула ей что-то на ухо. Она кивнула головой в знак того, что поняла, чего от неё требует госпожа, и ушла.

Тем временем наши приятели спрашивали друг друга свою историю. — А поэтому ответь мне, Ваврон, что склонило тебя выехать с родины? Какова причина этого? — Как тебе известно, — начал говорить Ваврон, — я сын крестьянина из Мокрой, бедной деревеньки под Сончем. Благодаря помощи достойного пробоща я попал в гимназию в Тарнове, которую, идя постоянно вперёд собственными силами, я закончил, как первый ученик. Оттуда я попал в университет на филологический факультет. Я хотел стать учителем, хотел посвятить себя общественной службе в этом направлении, прекрасно зная, что от хороших учителей зависит будущее народа, что наш народ очень в них нуждается. Окончив с отличием университет, я попытался стать учителем. Мои попытки были приняты с удивлением. Во многих головах не могло поместиться, чтобы я, который так прекрасно закончил университет, перед которым открылась дорога к высшим должностям, который по бюрократической лестнице мог взбираться всё выше и выше, прямо до вершины, прилагаю усилия, чтобы осесть где-нибудь в глухом уголке, закопаться в деревне в должности народного учителя. Мне объясняли, уговаривали, наконец, видя, что я неуклонно стою

на своём, они уступили и дали мне место учителя в глухом углу, в тихой, убогой деревне на Буковине. Я с радостью принял это назначение, счастливый, что именно в этот забытый угол понесу свет, разбужу дремлющие умы, поведу их ясной, светлой дорогой науки и культуры.

– И что же случилось? – спросил его с любопытством Генрик. – Я разочаровался, – продолжал дальше Ваврон.

Но когда хотел говорить дальше, к ним подошёл один из корабельных служащих, приведённый темнокожей гувернанткой той гордой дамы, и, обращаясь к Ваврону, сказал строгим тоном:

– Пожалуйста, уйдите отсюда. Пассажирам из-под палубы нельзя занимать места на палубе, предназначенной для пассажиров первого и второго класса. А, увидев, что Ваврон смотрит на него полным недоумения взглядом, добавил ещё более строгим тоном:

– Ну, марш под палубу!

Ваврон вскочил с места, хотел ему что-то сказать в первом порыве гнева, но сразу сдержал охватившее его возмущение.

Чем поможет ему протест? Это только выставит его на ещё большие оскорбления, а может, и на применение силы. Этого он не хотел допустить никакой ценой. Поэтому он сдержал свой гнев и ответил спокойно, с достоинством:

– Сейчас уйду. Я не знал, что палуба предназначена не для всех.

И, обращаясь к Генрику, добавил:

– Прости, мой дорогой. Мы поговорим с тобой позже, когда корабль уже будет в море.

И он направился в сторону входа под палубу, когда Генрик, возмущённый не менее его обхождением корабельного служащего, задержал его, говоря:

– Подожди, прошу тебя, – и, обращаясь к служащему, прибавил: – Идите и принесите мне счёт на разницу между тарифами третьего и второго класса.

Надменный тон его голоса удивительным образом подействовал на служащего. В одну минуту исчезла его дерзкая мина, он согнулся в низком поклоне и, сказав: "Одну минуту, пожалуйста!" – исчез с палубы.

Напичканная бриллиантами дама в обществе темнокожей служанки с любопытством смотрела на эту сцену; увидев её окончание, она с гневом что-то начала ей говорить.

Негритянка слушала её с покорностью, наконец снова направилась в сторону служащего, который появился со стороны кают капитана.

Она ему что-то говорила, на что он отвечал. Наконец она проводила его к своей госпоже, которая со своей стороны делала ему выговоры, на что тот отвечал, раскинув руки и покрутив головой. Наконец даму это разгневало; она бросила испепеляющий взгляд в сторону друзей, молча наблюдающих за этой сценой, и, забрав все свои манатки, вместе с темнокожей служанкой демонстративно покинула палубу.

Служащий судна подошёл к Ваврону и Генрику и с низким

поклоном подал им счёт.

Генрик полез в карман за кошельком и сразу спросил.

– Эх, простите, – ответил с лёгкой улыбкой служащий, – это жена одного из бразильских сановников. Её отец сделал состояние на работоторговле, и по этой причине она очень горда. Она потребовала от меня удалить вас с палубы, потому что ваш вид раздражал её. Это желание я должен был удовлетворить, потому что пассажирам из-под палубы нельзя выходить на верх. Сейчас же она возмущалась, когда я категорически отказался выполнить её требование, утверждая, что вы, как пассажиры второго класса, имеете право находиться на палубе.

В это время Генрик вынул из кошелька деньги и сделал доплату. Служащий с поклоном принял её и ушёл.

Друзья остались одни. Ваврон протянул Генрику руку, говоря:

– Сердечно благодарю тебя. Ты избавил меня от больших проблем. По прибытии в Рио-де-Жанейро я верну тебе эту сумму, потому что, опасаясь кражи, я отправил свои деньги пересылкой в тамошний банк, оставив при себе только мелкую сумму.

– Дорогой мой, – ответил ему просто Генрик, – я сделал это, чтобы не разлучаться с тобой, даже не думая о возвращении. Но забудем об этой мелочи. Расскажи мне свою дальнейшую историю.

– Я остановился на том, – начал прерванный этим нежи-

данным происшествием Ваврон, — что я очень в этом разочаровался... Во-первых, вместо радушного и дружеского приёма я всюду сталкивался с прямо-таки враждебными выступлениями народа. Исполнителем этого был учитель соседней деревни, который рассчитывал на повышение после меня, и разочаровался, и войт, которому я не дал обкрадывать людей. Все они сговорились против меня и так возмутили холопов, что везде, куда я только не возвращался, я встречал враждебный приём. Я хотел бороться с этой враждебностью, хотел справиться с ней добротой и любовью, но она оказалась сильнее меня. Я должен был уйти перед преимуществом силы с занимаемой должности, которую с триумфом занял мой противник, чтобы дальше систематически вести своё дело одурачивания холопов.

Так, словно под натиском воспоминаний, Ваврон опустил голову на грудь и задумался. Минуту продолжалось молчание, потом он начал говорить дальше:

— Я вернулся в Краков. Вернулся разгорячённый, разочарованный в мире и в людях. Я уже собирался попытаться найти должность в какой-нибудь гимназии, которая обеспечила бы мне хлеб, а также ту много лет желаемую карьеру, как вдруг разошлась новость, что в Паране польские эмигранты погибают для родины, что денационализация идёт там гигантскими шагами, что там нужны учителя, которые закрепили бы польскость, которые бы спасли от гибели весь народ. При первой новости об этом я бросил все попыт-

ки устроиться и, зная, что служба родине на первом месте, собрал всё и вот, как видишь, еду на чужбину, на службу.

— Но почему ты едешь третьим классом? — спросил Генрик. — Когда, как ты говорил, у тебя есть средства, отправленные в Рио-де-Жанейро.

— Почему? — ответил ему Ваврон. — Чтобы узнать этот народ, для которого я хочу работать, чтобы почувствовать его нужды, чтобы слиться с ним под каждым взглядом, еду вместе с этим человеком под палубой. Туда, в Параны, я уже приеду, как свой, не чужой! Вот поэтому я еду вместе с ними третьим классом.

Генрик с волнением пожал руку друга, как бы давая понять, что чувствует и понимает его благородные намерения.

— Но ты скажи мне, — сказал Ваврон, — что гонит тебя туда, на край света? Ведь перед тобой была открыта дорога к счастью. Ты инженер...

— Ну и что же! На всевозможные мои предложения мне предлагали подчинённую должность, за жалкое вознаграждение, без какой-либо возможности проявить собственную инициативу и показать способности. Эти бесплодные поиски работы разочаровали меня до такой степени, что я бросил всё и вот, как видишь, еду за океан искать золотое руно. Может, там, наконец, найду подходящее поле для своей работы.

Он замолчал.

Ваврон снова пожал руку приятелю, и так они долго стояли, всматриваясь в суету, царящую при входе на судно.

Всё новые толпы эмигрантов и путешественников высших классов прибывали на корабль и исчезали в его челюстях.

Наконец убрали трап, раздался ужасный звук сирены, на мостике появился капитан и бросил через рупор приказ.

Его сразу подхватили, и через некоторое время винты "Королевы океана" начали вращаться, разбрасывая вокруг мириады капель, и мощный пароход, разрезая волны, величественно вышел из порта, приветствуемый криками собравшейся на берегу публики. Опускались сумерки. Корабельные слуги дали знак к обеду. Генрик встал и, взяв за руку Ваврона, пошёл с ним в столовую. Но тот вынул руку из его руки и сказал:

– Прости, дорогой, но не пойду с тобой.

– А это почему? – спросил удивлённый Генрик. – Ведь теперь у тебя есть билет второго класса.

– Да, есть, – подтвердил Ваврон, – однако я буду пользоваться им только для того, чтобы проводить с тобой время на палубе, на приятной беседе. Но моё место, собственно, там, под палубой, среди народа, которому хочу служить.

И, сильно сжав руку приятелю, он быстрыми шагами направился к люку в палубе и через мгновение исчез в нём. Генрик остановился на минуту, посмотрел за ним, потом, наконец, грустный, задумчивый пошёл в столовую, где уже все сидели за столом.

II Таинственная катастрофа

"Королева океана" уже шестой день была в пути, разрезая волны океана своим клювом, разбивая их винтом, с каждым его оборотом продвигаясь вперёд, всё время вперёд.

Верхняя палуба парохода была полна путешественников, прогуливающих, или беседующих. Каждый пытался, как мог, убить время, убить скуку долгого морского путешествия.

Ведь к слишком разнообразным вещам нельзя отнести постоянного, почти без перерыва, вида зеленоватых морских волн и тех же вечно одинаковых лиц попутчиков.

Каждый развлекался, как мог... Создавались кружки и группы, в зависимости от взаимных симпатий и расположения.

Наши друзья почти всё время неразлучно были вместе, всматриваясь в морскую даль, разговаривая о прошлом, вспоминая о нём или витая в золотых снах о будущем, закрытой книге, которое ждало их после океана.

Они с болью и грустью смотрели, когда порой из отверстия под палубой появлялось исхудавшее, измождённое лицо кого-нибудь из эмигрантов, жадно смотрящее на голубое небо, на золотистое солнышко и посылающее печальный взгляд далеко, в даль, где осталась родная деревня, белый костёл, окружённый венком лип, и бедное кладбище, обо-

значенное лесом крестов. Стоял так несчастный эмигрант, наслаждаясь чуждым ему видом. Однако недолго продолжалась эта радость. Затем, как из-под земли, появлялся разодетый служащий корабля и грубыми словами прогонял с палубы, а не раз собственноручно сталкивал в челюсти подпалубного ада.

А там, внизу, царил суший ад. В душном и тесном пространстве толпились несколько сотен человеческих существ, мужчин, женщин и детей... Шум, крик, ссоры, плач детей и женщин перемешивались, создавая настоящий адский концерт. А притом ещё, в довершение всего, начались болезни, которые охватывали в первую очередь детей.

Корабельный лазарет был переполнен больными, с которыми лекарь с трудом мог справиться, да и море начало получать свою дань с детских трупиков.

Всё это повергло приятелей в глубокую грусть. Ведь это происходит в начале путешествия, а что будет позже, когда будут приближаться к его завершению?

На седьмой день путешествия на небе стали собираться тучи. Экипаж засуетился, моряки начали бегать по палубе, торопливо выполняя приказы капитана и его старших офицеров.

Слово *буря* полётом стрелы пробежало из уст в уста, пробуждая в одних интерес, в других – страх и ужас.

На пароходе все готовились принять ураган, который уже с утра обещал барометр.

На небе клубились тучи, подули сильные ветры, раскачивая пароход, как хрупкую скорлупку, наконец молния рассекла тёмную завесу туч и раздался треск грома. Более трусливые пассажиры покинули палубу, ища в каютах приют от безумствующей стихии.

На палубе осталась только щуплая горстка более отважных, которых не пугала безумствующая буря, и которые смотрели на бесчинствующий океан с интересом и восхищением. Вид был и правда чарующий, полный какого-то мощного ужаса, способный даже в самом отважном сердце пробудить страх и тревогу.

Оба друга не сошли с палубы, как многие другие. Стоя на ней, они изо всех сил держались за поручни, поглощая взором открывающийся перед ними вид, опьяняясь им.

А тут гром за громом бил в пенящиеся волны, которые с глухим рычанием поднимались на несколько этажей вверх, грозные, ужасные. Порой казалось, что весь пароход был окружён огненным кольцом молний. Иногда казалось, что ему не избежать гибели, что его раздавят поднимающиеся вокруг гигантские идола.

Но нет! Умелое управление штурвалом рассекало поднимающийся хребет волны и пароход плыл дальше, лёгкий, неповреждённый.

К аккомпанементу треска молний и рычания волн каждую секунду примешивалось ужасное рычание сирены, которой давали сигналы, предостерегая другие корабли, чтобы

избегали столкновения с ним, что могло быть гибельным для обеих сторон.

Целый день продолжалась жестокая битва сильного, крепко построенного корабля с обезумевшей стихией.

Наступила ночь. Непроницаемая темнота окутала пароход, так что вокруг абсолютно ничего не было видно. Только время от времени зигзагообразный блеск молнии рассекал тёмную завесу туч, проясняя на мгновение ока мрак. На пароходе зажгли весь свет; он мчался вперёд, перескакивая с одной волны на другую, разрезая её носом, заливаемый потоками воды.

Вдруг мрак был порван снопом удивительно ярких лучей. Он обдал сражающийся с волнами пароход и через минуту исчез. Генрик, стоявший на палубе рядом с Вавроном, схватил его за руку и приглушённым голосом воскликнул:

– Электрический прожектор! Прожектор с чрезвычайной силой света! Ваврон с сомнением покачал головой и ответил:

– Прожектор! Откуда ему тут взяться? Ведь нигде поблизости нет острова. Пожалуй, что в этих окрестностях заблудился какой-нибудь военный броненосец.

Ваврон ещё не окончил этой фразы, когда снова вспышка света чрезвычайной силы осветила мрак и упала на корабль.

Это заметил и экипаж корабля. Из его уст вырвался крик изумления, а в то же время капитан бросил через рупор приказ рулевому:

– Повернуть в сторону света!

Один оборот штурвала рулевого и пароход, остановившись на месте, как породистый конь, вдруг изменил свой курс и помчался по гребню волн в сторону таинственного света.

Но удивление всех ещё многократно усилилось, когда пароход вдруг оказался на совсем спокойной, зеркальной поверхности воды, тогда как за ним свирепствовала буря, вздымались волны. Это прямо свехъестественное зрелище привело всех в ужас. Рулевой рефлексивно повернул штурвал, чтобы снова вернуться на обезумевшее море. Но напрасно!

"Королева океана" была подхвачена каким-то течением небывалой силы; она бежала по прямой линии вперёд по гладкой, как зеркало, поверхности воды.

Рулевой тщетно хотел свернуть с этой таинственной дороги. Все усилия ничем не помогали. Впечатление ещё усилила непроницаемость темноты, царящей вокруг.

Вдруг на мчавшийся вперёд, подхваченный таинственной силой пароход упал сноп того света, ослепив всех стоявших на палубе. Когда взгляд их освоился с этим явлением, когда они уже что-то перед собой могли различить, увидели как бы тёмное ущелье, как бы тоннель, в сторону которого мчался пароход, словно толкаемый рукой невидимого *fatum*.

Наступили минуты полного нервного напряжения ожидания. Что будет дальше? Что теперь последует?

А пароход по мере приближения к этому очагу света уве-

личивал свой ход, ускорял его.

Уже теперь он мчался с небывалой быстротой, легко разрезая волны, как вдруг... Раздался глухой удар и тут же перед самых входом в тот тоннель выросли как бы гигантские ворота, выкованные из железа, крепкие, грозные, к которым неумолима мчалась "Королева океана".

Генрик схватил Ваврона за руку и побелевшими от таинственной тревоги устами прошептал:

– Там... смерть... верная смерть!

Не успел он выговорить эти слова, как пароход на полном ходу налетел на ещё одни железные ворота!

Раздался глухой треск, грохот, крики боли и отчаяния, и гордая "Королева океана", разбитая вдребезги о неожиданное препятствие, через пару секунд погрузилась в морскую пучину, погребая в ней всех пассажиров.

Ещё минута, и яркий свет прожекторов освятил гладкую, спокойную поверхность океана.

III Спасённые

Небольшую комнату, со стенами, сделанными из стальных плит, слабо освещает своим мелькающим светом свисающая с потолка небольшая электрическая лампа.

Её интерьер скромен, прямо беден: стол, два стула, две кровати – вот и вся меблировка! Они сделаны из какого-то блестящего металла, цветом близкого к золоту.

На кровати лежат два человеческих тела, кажется, объятые тяжёлым сном. Лиц их почти было не видно из-за бинтов, покрывающих голову.

Внезапно одно из тел вздрогнуло и из уст послышался тихий стон. На этот стон ответило эхо. Тело, лежащее на другой кровати, тоже подало признак жизни. И в комнате снова воцарилась глухая тишина.

Наконец стон повторился; один из лежащих на кровати с трудом поднял голову и с любопытством начал оглядываться.

Его взгляд с интересом остановился на лежащем на другой кровати человеке. Некоторое время продолжалось молчание, наконец этот человек простонал слабым голосом:

– Кто здесь?

На этот вопрос ответил другой человек, поворачивая голову:

– Это ты, Ваврон? Ты? И ты уцелел после этой загадочной

катастрофы?

– Генрик? – вырвался крик из уст первого человека, и Ваврон хотел встать, чтобы идти к другу.

Но ушибы и раны, какие он получил, не позволили ему этого сделать. Он с тихим стоном боли опустился на кровать и в течение какого-то времени лежал молча.

– Не могу, – простонал он наконец, – не могу... у меня всё болит. Я весь будто в ранах...

– И я тоже, – подтвердил Генрик, – не могу сделать движения ни рукой, ни ногой без сильной боли... Я как разбит.

– Может, ты что-нибудь помнишь из этой катастрофы? – спросил его снова Ваврон. – Как это случилось? Потому что я при первом столкновении парохода с этими железными воротами потерял сознание, и уже не знаю, что было дальше. Ещё кто-нибудь спасся?

– Не знаю, ничего не знаю, – ответил потихоньку Генрик, – ничего не помню. Знаю только, что гигантская волна смыла меня с палубы, что я сильно ударился о какую-то плотину и что в конце концов я был выброшен на скалистый берег, о который я ушибся страшным образом. От боли и впечатления я потерял сознание. Я очнулся только сейчас в этой комнате.

Ваврон начал с любопытством разглядывать всё вокруг, наконец он заметил:

– Пожалуй, мы не на корабле... Должно быть, мы находимся на твёрдой почве, потому что мы совсем не чувствуем

корабельной качки.

— И не слышно плеска волн, — закончил Генрик, — да, наверно, мы находимся на твёрдой почве.

— Но кто нас спас? — беспокоился Ваврон. — Кому мы обязаны жизнью? Гостеприимная ли это комната, или тюрьма?

Генрик бросил взгляд на стены комнаты и заключил:

— Ну, на гостеприимную комнату это непохоже. Я более склонен предположить, что это тюрьма.

— Да... — начал Ваврон, но сразу прервался.

Произошло чрезвычайное событие, которое заставило его замолчать. Комната сразу озарилась каким-то странно-мягким светом, который пробивался через одну из металлических стен. Притом эта стена стала блестящей, прямо просвечивающейся, как лист бумаги.

— Что это? — спросил через мгновение Ваврон полным удивления голосом. — Откуда этот свет? Каким образом проникает он к нам сквозь эту стальную стену?

Генрик с не меньшим удивлением на это смотрел. И его неизмеримо заинтересовало чрезвычайное явление, источник которого был ему неизвестен. Но его ум, склонный к исследованиям, вскоре лихорадочно начал работать, дабы из виденного сделать конкретные выводы.

— Да! — воскликнул он через какое-то время. — Это ни что иное, как рентгеновские лучи, лучи, доведённые до такой силы и мощи, что проникают через металл.

Этот таинственный свет продолжался несколько минут.

Затем он по-гас, а через минуту открылись двери комнаты и вошёл мужчина с очень странной физиономией.

Высокий, худой, он был одет в чёрную одежду, кроем напоминающую спортивный костюм. Но лицо его, равно как и голову, закрывал чёрный капюшон с вырезанными в нём отверстиями для глаз и рта, так что ни возраста, ни внешности его из-за этого прикрытия определить было нельзя.

Гибким шагом он подошёл к Ваврону и начал ловко развязывать пок-рывающие его бинты.

– Господин, – спросил тот по-французски, – скажи нам, где мы? Кому мы обязаны нашим спасением? Что случилось с нашими попутчиками?

Но на все эти вопросы незнакомец молчал.

Молчал так же, когда Генрик повторил их по-немецки и по-английски.

Он ловко разматывал бинты; наконец снял их совсем, обнажая ушибленные и раненые места. Сделав это, он взял из кармана маленькую коробочку из блестящего металла и направил луч, выходящий из него, на повреждённые места. Ваврон испытал какое-то дивное чувство тепла; по его лицу начал пробегать как бы электрический ток; он чувствовал, что к нему приходят свежие силы, что он возрождается, что набирается новой жизненной энергией.

И раны, рассеянные в большом числе по его телу, под влиянием этих лучей начали заживать, затягиваться, и вскоре покрылись кожей.

Под влиянием этого внезапного наплыва и роста сил, он поднялся и сел на кровать.

Таинственный незнакомец, всё ещё сохраняя торжественное молчание, закрыл коробочку и, отойдя от него, приблизился к Генрику. И с ним он проделал подобную операцию. Не прошло и пяти минут, как Генрик, энергичный и здоровый, стоял уже рядом с Вавроном. Его жгло неудержимое любопытство проникнуть в тайну того всего, что делалось около них, снять завесу с загадочного поведения незнакомца.

Поэтому он ещё раз обратился к незнакомцу:

– Господин, ради Бога, скажи мне, что это всё значит? Где мы находимся? Что с нами происходит?

И в порыве любопытства и пыла он схватил незнакомца за руку.

Но сразу же пожалел об этом... Какая-то невидимая сила поразила его с чрезвычайной мощностью, так что он почувствовал, что все члены в нём одеревенели, и повалила его на пол, совсем обездвижив.

По крайней мере он сразу узнал эту силу. Незнакомец, не остановившись при упавшем, вышел из комнаты; Ваврон склонился над приятелем, желая принести ему помощь и спасение.

Прошло много времени, прежде чем к Генрику вернулись силы и мог говорить.

– Это электрическая батарея! – воскликнул он наконец,

когда к его языку вернулась способность двигаться. — Одежда этой загадочной личности снабжена батареей прямо чрезвычайной мощности; ток, пущенный из неё, повалил меня на пол.

И затем он пустился в научное исследование.

— Каким образом, — говорил он Ваврону, — этот господин может носить безвредную для него одежду, заряженную электричеством столь сильного напряжения? Каким же образом происходит, что когда он сеет её вокруг, с ним ничего не случается?

И, спрятав лицо в ладонях, он погрузился в размышления и попытки разгадать эту загадку.

А тем временем в комнате произошло новое чудо.

В одной из стен возле пола открылась маленькая дверочка и из неё выкатилась маленькая машинка, похожая на детскую игрушку. В ней находилось несколько миниатюрных тарелочек, на которых лежали какие-то шарики и кубики. В маленьких флакончиках находилась какая-то жидкость, а на вершине этого всего лежал сложенный вчетверо листок бумаги.

Генрик схватил его и, развернув, спешно начал читать.

Содержание его было следующим:

"Вы наши пленники. Вам нельзя сделать ни шагу за пределы комнаты, в которой вы находитесь. Всевозможные попытки сбежать или проникнуть в наши тайны, грозят вам смертью. Мы прислали вам еду. Можете без опасения употреб-

лять её, потому что ничего ядовитого в ней не содержится".

Никакой подписи не было.

В уме Генрика промелькнуло:

– Вы угрожаете смертью, но я не боюсь ваших угроз. Несмотря ни на что, хотя бы это стоило мне жизни, я должен раскрыть ваши тайны, должен исследовать эти все чудеса, свидетелем которых я только что был.

Однако, едва эта мысль пробежала по его голове, как они услышали какой-то голос, говорящий как будто из-под земли.

– Напрасно. Ты ничего не раскроешь, юноша. А погибнешь, даже следа после тебя не останется.

Генрик стоял, как вкопанный, такое молниеносное впечатление произвёл на него этот голос. Ради Бога! Что это значит? Куда он попал? Тут даже читают мысли и дают на них ответ.

Нет, это, пожалуй, сон!

Чтобы убедиться, что не спит, он сильно ущипнул себя за руку. Чувство боли дало ему понять, что то всё, чему он был свидетелем, было не сном, а реальностью.

Он долго стоял сконфуженный, не в состоянии двинуться с места под впечатлении того, что видел и слышал.

Наконец Ваврон вывел его из этого состояния, говоря:

– Что делать, мой дорогой? Нужно смириться с судьбой. Стену головой не пробьёшь. Давай лучше подкрепимся тем, что нам прислали наши загадочные владыки. Помни, что нам

нужно много сил для ожидающих нас перипетий. Подкрепившись, мы начнём обдумывать средства спастись. Потому что отсюда всё-таки должен быть какой-нибудь выход... должен... И мы во что бы то ни стало должны его найти.

Ответом на его слова был какой-то сатанинский смех, полный насмешки и иронии.

Генрик схватился за голову...

– Человек! – воскликнул он. – Одумайся! Как можешь ты мечтать спастись отсюда, когда не только твои слова, но и мысли читают те, кто нас сюда посадил?

– Значит, контролируй свои мысли, – серьёзно сказал Ваврон. – Овладей ими так, чтобы никто не мог их даже прочесть. А теперь приступим к еде.

Под влиянием этих спокойных слов Ваврона к Генрику вернулось равновесие и он поглядел на содержимое машинки.

Ироничная улыбка скривила его губы.

– И это еда! – сказал он. – Это гомеопатические пилюли, а не еда, которую должны употреблять люди из крови и плоти, такие, как мы. Нет, это глумление над нами!

– Давай не будем приувеличивать, – ответил ему на это серьёзно Ваврон, – важно не количество, а качество. Вот, скорее попробуем это блюдо, а только потом огласим своё мнение.

И приведя эти слова в действие, он взял одну из тарелок и начал есть находящиеся в ней шарики.

Но едва он съел три, отодвинул тарелку и сказал:

– Диковинка! Я чувствую себя вполне сытым. Нужно попробовать чего-нибудь другого.

Он принялся за кубики, внешне напоминающие кубики бульона.

Он молча проглотил один, после чего выпил содержимое одной из бутылочек. Потом он сел на кровать и снова сказал:

– Ты знаешь, я так наелся, словно Бог знает, какой обед съел. А притом я чувствую, что эта жидкость из бутылки подействовала на меня, как лучшее вино.

Генрик с любопытством смотрел на него, наконец взял в руки один из тех шариков и с удивлением начал его рассматривать.

– Это феноменально! – выкрикнул он наконец. – То, о чём учёные целый ряд веков мечтали и грезили как о чём-то недостижимом, тут, я гляжу, сделано. Эти вот шарики – это сконцентрированные незаменимые и важнейшие элементы нашей пищи. Нескольких таких шариков, величиной с горох, вполне хватит, чтобы насытить человека в течение одного дня. Благодаря этому изобретению человечество, как бы не размножилось, никогда бы не знало голода.

– Да, – подтвердил Ваврон, – это гениальное изобретение, которое могло бы принести всему человечеству несказанное благо. И, однако, нашлись бы такие, которые бы на него ворчали.

– Э... кто же это такие? – спросил с недоверием Генрик.

– Гурманы, – ответил Ваврон. – Эти пилюли и квадратики великолепно удовлетворяют голод, но не удовлетворяют вкус. И именно поэтому не пришлось бы им по вкусу.

Выпитая бутылка вина постепенно начала действовать. Спустя пару минут приятели уже спали в кроватях, охваченные глубоким сном...

А через отверстие в стене машинка с едой выехала из комнаты.

IV Где мы?

Как долго продолжался их сон, они никоим образом не могли бы определить, потому что часов ни у кого не было, а в комнате, со всех сторон замкнутой металлическими стенами, нельзя было узнать, день был на свете или ночь.

Первый от этого сна очнулся Ваврон. Он протёр глаза, поглядел вокруг и вскочил с кровати, быстро и резко вставая на пол.

В их тюрьме ничего не изменилось. Всё было так, как до этого. Те же стены из блестящего металла, гладкие, без следа малейшего отверстия, та же мебель, то же освещение.

Он начал медленно обходить стены, внимательно их осматривая. Он проверял шаг за шагом, не найдётся ли какое-нибудь отверстие, указывающее на существование в этом месте двери, на какой-либо признак того, что в стене есть отверстие.

Особенно тщательному обыску он подверг то место в стене, в котором видел перед тем отверстие, через которое выехала машинка с едой.

Но и там не было ни малейшего признака, чтобы что-то открывалось. Перед ним была совершенно гладкая стена, без какой-либо царапины. Чтобы лучше в этом убедиться, в этом месте он коснулся стены рукой.

И вдруг... он почувствовал сильный удар, будто палкой,

рука его затекла, а во всём теле будто миллион иголок впились.

Поражённый мощной силой электрического тока, он был отброшен почти в другой конец комнаты.

Шум этого падения разбудил Генрика, который вскочил с кровати, спрашивая:

– Что это? Что случилось?

А Ваврон, встав с пола, растирал ушибленные места и, делая от боли гримасу, сказал:

– Тьфу! Эти наши паны, у которых мы в неволе, правда, слишком разбазаривают электричество. Всё, к чем не прикоснись, им перегружено. Вчера ты был поражён электричеством, когда прикоснулся к одежде того господина, а сегодня я, когда прикоснулся к стене. Если так пойдёт дальше, то нас тут молниями убьют!

– Но что с тобой случилось? – спросил его с интересом Генрик. – Каким образом тебя так отбросило?

– Каким образом? – ответил ему помрачневший Ваврон. – А таким, что при прикосновении к стене в том месте, я был поражён таким сильным электрическим током, что отлетел к той стене, а мое тело, будто бы поломано.

Генрик с недоверием выслушал этот рассказ и, словно желая проверить, правду ли говорит приятель, машинально вытянул руку и прикоснулся к стене возле своей кровати. Но не почувствовал и следа действия электрического тока.

– Я ничего не чувствую, – сказал он через минуту, – через

эту стену никакой ток не проходит.

– Да, через эту, – ответил недовольный Ваврон, – но попробуй ту, на той стене...

Генрик встал с кровати, подошёл к стене и рефлексивно коснулся рукой указанного места. Но и там он не почувствовал никакого удара.

– Я ничего не чувствую, – сказал он.

Ваврон смотрел на него широко открытыми от удивления глазами, не в состоянии понять, что это может означать. Когда он почувствовал такой сильный, прямо-таки мощный удар тока, тот безнаказанно прикасается к стене без всякого последствия.

– Так что же это?

С недоверием и некоторым страхом перед возможной болью он прикоснулся к стене. Так! Теперь и он ничего не почувствовал. А стало быть, этот ток пущен был временно, словно для того, чтобы наказать его за излишнее любопытство. Значит, он не является постоянным свойством их тюрьмы... Таинственный хозяин их тюрьмы пустил его временно, будто для того, чтобы показать им свою силу.

Этот электрический ток, проникающий с безумной силой сквозь стену, делал её невозможной для преодоления, они полностью защищали от побега.

И тот вопрос встал перед ним снова:

Что делать? Как поступить, чтобы вырваться из этой таинственной неволи, чтобы вернуть свободу?

С опущенными на грудь головами они стояли в центре комнаты, погрузившись в грустные размышления.

Теперь они поняли тщетность своих усилий, бесплодность всяких попыток... Они должны сидеть в этих четырёх блестящих стенах, по крайней мере до тех пор, пока так хочется этим загадочным людям. Может, до самой смерти. И при мысли об этом их тело сотрясала дрожь. Если так пойдёт дальше, можно сойти с ума... Быть запертым тут, в четырёх стенах, без лазури неба, без солнца, без людей, и ждать, пока не придёт милостивая смерть и положит предел мучениям!

Нет, это ужасно, это прямо чудовищно! Это выше человеческих сил!

Генрик первый впал в отчаяние и, бессильно опустившись на кровать, спрятал голову в подушки, заглушая в ней разрывающие его грудь чувства. Отчаяние охватило его не по той причине, что в этих четырёх стенах ждала его смерть. О нет, этой он не боялся. Столкнуться с ней напрямую ему было не страшно... Он принял бы её спокойно, с достоинством...

Но отчаянием пронимала его мысль о долгих муках умирания, об ужасных страданиях взаперти, в этой клетке, откуда даже нельзя было выглянуть на свет Божий. Именно это отсутствие свободы стало самой большой причиной его отчаяния.

Ваврон гораздо спокойней принимал свою судьбу. Сын народа, приученный к сыплющимся на его голову ударам, он с большей выносливостью и покорностью встречал эти жиз-

ненные невзгоды. Не поддаваясь, как Генрик, отчаянию он в то же время лихорадочно работал мыслью над поиском способа выбраться из этой неволи.

Это невозможно, чтобы без какой-либо причины, без какой-либо вины с их стороны их бросили в тюрьму, из которой нет никакой надежды выбраться. Это непостижимо! Всё-таки должна быть какая-нибудь дорога к спасению, какой-нибудь выход из этого заколдованного круга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.